

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 373+377.000.93
ББК 433(2Р36)5

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ (XVII–XIX вв.)

В. П. Леднев

Становление общего и профессионального образования на Урале имеет большую и пока малоизученную историю, хотя уже в XVIII в. здесь появилась целая сеть учебных заведений. Достаточно сказать, что созданная в 1701 г. школа в Тобольске была одной из первых светских школ в России. Здесь существовало много духовных школ и семинарий, которые отличались высоким уровнем преподавания, и где изучались не только религиозно-церковные, но и светские науки, в частности арифметика, русский и латинский языки, философия, поэзия. При этом важно подчеркнуть, что во многих из них обучались дети разных сословий, в том числе и уральских крестьян. При этих учебных заведениях создавались библиотеки, которые постепенно стали располагать достаточно большими книжными фондами.

У истоков систематического общего и профессионального образования на Урале в XVIII в. стоял выдающийся «птенец гнезда Петрова» В. Н. Татищев (1686–1750 гг.). Он стал проводником государственной концепции образования, разработанной Петром I, которая предполагала развернуть в России, как и других европейских странах, научно-техническую революцию. По существу Урал уже тогда стал для В. Н. Татищева своеобразной лабораторией по совмещению общего и профессионального образования. Это была реальная и стратегическая необходимость, как в развитии горнозаводского дела, так и просвещения населения Урала. В статье «Представление о купечестве и ремеслах» он писал: «Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиям...» [1, с. 392]. Хваля Петра I за учреждение в России Комерц-, Берг- и Мануфактур-коллегий,

он специально подчеркнул, что в помощь им «он устроил Академию наук и ремесел». Для него развитие ремесла в России и на Урале было одним из самых важных дней. В статье он осуждает те магистраты, которые не поощряют учителей, не строят школы, не создают условий для развития ремесленничества. В. Н. Татищев с горечью писал, что «ремесленники, не видя никакого о себе учреждения, вместо надлежасчей от них пользы... прилежат токмо как бы дешевле сделать и, тайно в работе своровав, купца обмануть... И единым словом сказать, нет ни одного ремесла или руководителя, которое у нас делается и в рядах продается, чтоб какого коварства и обману не было, что не токмо стыд, но государству убыток, что мы... принуждены с убытком и ущербом наших ремесленников из других государств кушить» [1, с. 397].

Становление и развитие образования было одной из главных составляющих его теории «всемирного умопросвещения» [2, с. 169–176]. Серьезное ее достоинство состояло в том, что уже тогда она объединяла в единый социально-экономический комплекс промышленность и образование, делала их неразрывно связанными общественными структурами, направленными, в конечном итоге, на усиление экономического потенциала России и повышения культурно-технического уровня рабочих, крестьян, солдат, научно-технической и гуманитарной интеллигенции.

В связи с этим, следует отметить, что особенностью Урала стало то, что здесь, по указанию Берг-коллегии, В. Н. Татищева и В. И. Генина почти одновременно и достаточно быстро возникали заводские поселки, учебные и медицинские учреждения. Как главный начальник уральских и сибирских заводов, он уже в первый свой приезд на Урал начал свою деятельность и организацию школ. В 1720 г. он создает в Кунгуре первую уральскую «арифметическую» школу, а в 1721 г. такие же школы при Уктусском и Алапаевском казенных заводах, в Невьянской слободе. Питомцами этих школ впоследствии стали такие известные деятели науки и техники как И. А. Ползунов (1704–1763) и К. Фролов.

В Екатеринбурге, как и других населенных пунктах Урала, первая школа была создана одновременно с пуском завода. Екатеринбургский завод вступил в строй действующих 7 (18) ноября 1723 г., а через четыре месяца, 17 (28) марта 1724 г., здесь открылась арифметическая школа [3, с. 4].

Горное начальство прекрасно понимало, что построенный в Екатеринбургe завод должен стать самым крупным казенным железоделательным предприятием России. Они сознавали и то, что кадры многих специалистов необходимо готовить непосредственно на Урале. Их надо было учить не только у мастеров-иностранцев и выписанных специалистов с других заводов России, но и на уральских заводах. Всем было ясно и то, что заводские ремесла, в отличие от крестьянских, сразу требовали знаний арифметики, начал геометрии, химии, физики, механики. Таким образом, становление Урала как центра российской металлургической промышленности, неизбежно повлекло за собой и превращение его в крупнейший центр образования, горнозаводских школ и училищ России.

Уже за полгода до пуска Исетского завода, В. Н. Татищевым была составлена «Роспись приказным служителям всех заводов и земского правления с их годовым и хлебным жалованьем» [4], то есть первый вариант штатов, согласно которому при заводе вводились четыре должности учителя: чтения и письма, арифметики, геометрии, черчения, а также знаменования (рисования). Характерно то, что если учителю чтения и письма в год намечались платить 18 рублей в год, то учителю знаменования и черчения, как новому для Урала специалисту, предполагалась платить в два раза больше – по 36 рублей в год [3, с. 12].

Основатель города Екатеринбургa В. Н. Татищев известен и тем, что он стал одним из авторов первых трудов в области педагогики, как на Урале, так и в России. Его педагогические сочинения «Разговор двух приятелей о пользе науки и училища», «Духовная сыну Евграфу» и «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать», были написаны на Урале в 30-е гг. XVIII в.» [5, с. 181]. Уже тогда он предъявлял высокие требования к профессионально-педагогическим кадрам. В своей статье «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать», он отмечал: «Учитель должен быть благоразумен, кроток, трезв, не пьяница... не блудлив, не крадлив... паче же младенцам своим добрым и честным житием был образец» [5, с. 182]. Позднее в 1734 г. в «Заводском Уставе» в параграфе «О школах и учении» он рекомендовал принимать в заводские школы тех людей, которые к заводскому делу причастны. При этом он рекомендовал этим же правилом пользоваться и при выборе преподаваемых дисциплин. После получения начального образования, в со-

держание образования он требовал включить те предметы, которые ближе всего были к тому или иному производству. При школах металлургических заводов изучались горное дело и механика, при других «архитектуру, или учение о строениях», токарное, столярное и паяльное дело, а также умение «каменя резать и грани» [5, с. 181].

15 октября 1723 г. В. Н. Татищев составил наказ комиссару уральских заводов Федору Николаевичу Неклюеву, который содержал 15 глав, где определялись обязанности комиссара всех казенных заводов Урала. В качестве особой, в наказе выделялась глава «О школах и учении детей», включающая 22 пункта, регламентирующих деятельность школ. Уже из этого документа видно, что В. Н. Татищев отводил Екатеринбургским школам центральную роль. По его мысли в Екатеринбургскую школу должны были переводиться ученики словесных школ Уктусского, Алапаевского, Каменского и других заводов, где они должны продолжить на более высоком уровне изучение геометрии, черчения, рисования, механики, физики, химии, что было им необходимо для проектирования заводов, рудников, дорог, населенных мест, работы непосредственно в металлургическом производстве.

Для истории профессионального образования важно здесь и то, что В. Н. Татищев уже тогда намеревался в Екатеринбургской арифметической школе соединить общее и профессиональное образование. В наказе Ф. Неклюеву говорилось: «Когда которые возрастные обучаются геометрии, оных он немедленно определяет в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть... И у тех работ быть им после обеда, а до обеда ходить в школу, доколе окончат науку» [6, с. 89].

В наказе В. Н. Татищевым впервые были сформированы и принципы добровольного и сознательного выбора профессии, взаимосвязи общего и профессионального образования. В наказе он предлагал «велеть ученикам, когда которой к работе придет, не токмо присматриваться, но и руками по возможности применяться о искусстве ремесла, в чем оное состоит, внятно уведомляться и рассуждать, из чего лутше или хуже может быть, которое мастера ремесел должны им открывать. А учителю показывать принадлежащие к тому чертежи начертить, старья смеривать и счерчивать и вновь, что потребно, прибавлять или убавлять» [6, с. 89].

В. Н. Татищев предлагал при выборе будущего ремесла учитывать психологические и физические склонности детей «...определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет», и возрастные особенности учащихся.

Важно то, что В. Н. Татищев пытался в наказе стимулировать хорошие и отличные успехи в овладении той или иной профессией. Успевающим учащимся, еще до настоящей работы, пока он учится, он предлагал платить 60 коп. в месяц, т. е. 7 руб. 20 коп. в год. По тем временам это была большая сумма, так как она равнялась половине заработка кузнеца. Кстати, он платил и тем ученикам, которые обучались ремеслу непосредственно в цехах заводов. Так ученикам при домнах, литейном производстве, при плотине, занятых полный рабочий день, он платил 12 рублей в год [6, с. 88]. Он заботился, чтобы ученикам арифметических и горных школ отдавалось предпочтение при приеме на работу. В связи с этим он писал: «Ежели где у ремесла опростаеца место подмастерское или работничье, оных учеников... производить прежде других и оных оклад давать им, дабы чрез то к науке лутчею охоту возымели» [6, с. 88].

Важно отметить и то, что В. Н. Татищев, хотя он, как и все, был сыном своего времени, рекомендовал, чтобы в школы принимали «всякого чина людей», а для детей церковных и приказных служителей, работников мастерских и «всех завоцких учителей» оно было обязательным. В наказе предусматривалось даже наказание за уклонение от учебы. «Ежели которой ученик от лености учиться не похочет и в школу ходить не будет, за оное брать с родителей или хозяев их, у кого они живут, пени за первой день 1, за другой 2, за третьей и большия по 3 копейки и оныя деньги делить учителям» [6, с. 88].

Он прекрасно видел и то, что поскольку в Екатеринбург будут свозиться дети и из приписных слобод, то без материальной поддержки они не смогут учиться. В наказе 1723 г., детей, чьи отцы зарабатывали меньше 12 рублей в год, зачисляли на казенный кошт (содержание). Им ежемесячно, также как в Уктусской и Алапаевской школах, выдавалось в месяц по полтора пуда ржаной муки и один рубль в год на одежду и обувь. В наказе он тщательно предусмотрел все стороны профессионального и общего образования, вплоть до того, что при изучении арифметики учащимся выделялось 8 листов бумаги, а на геометрию и черчение – 12. Он рекомендовал комиссару заводов обеспечить школы транспортом, циркулями, чертежными перьями, чертежными досками и т. д.

Он определил даже время и сроки обучения, экономя даже на приобретение свеч. В связи с этим он предлагал летом заниматься в школе 12 часов, осенью и весной – 9, а зимой – 7. При этом он предусматривал зимние каникулы и даже то, чем ученики должны заниматься на каникулах («учение творить»).

В наказе указывалось на необходимость нравственного и религиозного воспитания учащихся, соблюдения прав и обязанностей преподавателей. Преподаватели должны были «обучить учеников честно говорить, кланятца, старейших почитать словом и местом не токмо в школе, но и в домах», вставать при появлении посторонних лиц в школе, отвечать «кратко с почитанием, в лишний разговор и спор не вступать» [6, с. 88].

Следует подчеркнуть, что все эти принципы соединения общего и профессионального образования, нравственного, светского и религиозного воспитания, разработанные В. Н. Татищевым в октябре 1723 г., были блестяще реализованы в XVIII в. в уральских учебных заведениях. Эти принципы ничуть не устарели вплоть до настоящего времени.

В 1725–1734 гг. происходит объединение всех уральских школ в Екатеринбурге. Сюда были переведены учащиеся школ Уктуса, Алапаевска, Кунгура, Полевского. В 1735 г. в Екатеринбурге действовали уже пять школ, где обучалось 266 учащихся, а в 1736 г. – 354 [7, с. 17]. Уже в то время екатеринбургские учащиеся изучали тригонометрию, черчение, немецкий язык, основы геодезии, маркшейдерства. В 1723 г. В. Н. Татищев лично, впервые в России, разработал программу параллельного обучения школьников различным видам ремесел, которая в 1736 г., после дополнительной доработки, была распространена на все горнозаводские школы Урала, а в 1754 г. была отправлена на алтайские заводы, где тоже открывались подобные учебные заведения [7, с. 17–18].

В 1734 г. получив пост начальника казенных заводов Урала и Сибири, В. Н. Татищев, собираясь на Урал, повез с собой и книги. Среди них были работы по горному законодательству, механике, машиностроению, геологии, горным работам, металлосведению, черной и цветной металлургии, химии, медицине, фармакологии, юриспруденции, словари. Эти книги стали началом Екатеринбургской казенной горнозаводской библиотеки, основой книжной культуры горнозаводского Урала и реализацией на деле теории «всемирного умопрояснения». Будучи сторонником теорий западных просветителей (Лейбница,

Локка и Вольфа) он считал, что в процессе образования нельзя ограничивать учебный процесс в гимназиях, школах, училищах и академиях изучением только специальных дисциплин. По его мнению, учащиеся любых учебных заведений должны изучать грамматику, риторику, иностранные языки, географию, философию, математику, историю, физику, юриспруденцию. При этом он обосновал тесную связь всех элементов просвещения: книгоиздания, науки и образования. Он справедливо считал, что это составляет фундамент любого профессионального образования, в том числе и воспитание в человеке личности и гражданских черт. Казенные горнозаводские школы, основанные В. Н. Татищевым, и частные горные школы при Нижнетагильском заводе Н. А. Демидова, в которых 80% [8, с. 21] составляли дети заводских работников, в том числе мастеров, подмастерьев, солдат, крестьян, приказчиков и конторщиков, стали в XVIII в. фундаментом, на котором выросло инженерно-техническое и профессионально-педагогическое образование на Урале.

XIX в. стал новым этапом в истории образования на Урале. В 1804 г. был принят университетский устав, в соответствии с которым Урал вошел в состав Казанского учебного округа. В XIX в. были проведены реформы народного образования. Заметно увеличилось число учащихся во всех типах учебных заведений. В крупных городах, таких как Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Уфа и др., открывались гимназии и реальные училища. Увеличилась и сеть профессиональных учебных заведений. В Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Туринске были открыты горные училища, в Перми, Кунгуре и Красноуфимске – технические училища, в Уфе – землемерное, в Тобольске ветеринарно-фельдшерское. Выдающуюся роль в их организации сыграли уральские земства. По университетскому уставу 1804 г. было разрешено обучение девочек в училищах Министерства народного просвещения, а устав 1828 г. разрешил обучение девочек 8–11 лет и в приходских училищах. В 1845 г. в Петербурге был создан Главный совет женских учебных заведений.

На Урале главной задачей профессионального обучения по-прежнему оставалась подготовка специалистов для горной и металлургической промышленности. Все заводы Западного, Среднего и Южного Урала в 1801 г. были подчинены единому Екатеринбургскому горному округу [9, с. 44]. В соответствии с Горным положением 1806 г., здесь учреждались малые горные школы при за-

водах, главные школы при горных начальниках и Горный кадетский корпус. При этом главные горные школы приравнивались к гимназиям, малые – к уездным училищам. Но в них обязательно предусматривалось сочетание общеобразовательной и профессиональной подготовки. В Екатеринбургском округе действовали одна главная и семь малых горных школ. Уже в малых школах наряду с общеобразовательными предметами предполагалось и производственное ученичество. Финансировались горные школы из казны, что улучшало организацию учебного процесса и материальное обеспечение учащихся и мастеров производственного обучения. Учащимся горных школ иногда выплачивалось небольшое жалованье, часто в виде провианта. На содержание одной малой школы по штатам 450 рублей в год [9, с. 46]. В связи с этим, по мнению некоторых исследователей, в начале XIX в. на Урале была воссоздана сеть казенных горнозаводских учебных заведений [10, с. 14].

Как известно в 40-х гг. XIX в. уральская промышленность переживала период модернизации производства. Этот процесс отразился на деятельности учебных заведений и организации обучения непосредственно на предприятиях. В соответствии с этим в 1847 г. были утверждены новые «Штаты горных казенных заводов Уральского хребта», которые стали важной вехой в истории уральского профессионального образования. После их принятия, была создана трехступенчатая система горных учебных заведений: начальные заводские школы, окружные училища в каждом заводском округе, Уральское горное училище в Екатеринбурге [11]. Начальные заводские школы, созданные в 20–40 гг. XIX в., фактически по-прежнему оставались начальными общеобразовательными учреждениями. Но процесс обучения в них стал гораздо ближе к заводским проблемам. На это же было рассчитано и новое «Положение об учебных заведениях Уральских горных заводов», принятое в 1825 г. В нем предусматривалось преподавание «практического распознавания горных пород, руд и заводских продуктов» той местности, где располагалась школа [12]. Здесь мы опять-таки обнаруживаем одну из первых попыток соединения общего и профессионального образования уже в начальной школе. Но, как показывают архивные данные, это соединение удавалось не во всех уральских школах, а только там, где к этому процессу относились серьезно как заводская, так и школьная администрации [13]. К тому же, среди преподавателей этого типа школ, не всегда находились квалифицированные энтузиасты.

Осознав этот недостаток и руководствуясь стремлением укрепить связь школы с жизнью, было решено привлечь к преподаванию в них непосредственно работающих на производстве специалистов и низших горных чиновников (шпихтмейстеров). В 30–50-х гг. XIX в. их доля в учительском персонале заводских начальных школ увеличилась в два раза, а в начале 50-х гг. – 60% учителей и их помощников были выпускниками специальных учебных заведений. На Урал приехали работать многие выпускники Петербургской горной технической школы, но постепенно росла доля выпускников уральских окружных училищ [14]. Однако проблема преподавания кадров на Урале стояло остро, так как в ряде мест труд педагога уже в то время плохо оплачивался. По мнению некоторых исследователей только богатые владельцы крупных округов могли нанять квалифицированных педагогов. Не жалели денег на эти цели Демидовы. По их заданию для Выйского училища им подбирали главного учителя столичные, петербургские конторы. По контракту они положили ему 1–3 тыс. жалованья, провиант, готовую квартиру с прислугой, бесплатный проезд до завода и обратно [15, с. 160]. Демидовы, чтобы решить проблему преподавательских кадров, направляли своих крепостных на учебу за границу и в столичные высшие учебные заведения [16]. Этим же приемом решали кадровую проблему в своих уральских имениях Строгановы, Лазаревы, Лугинины и другие заводо-владельцы. Верхисетское заводоуправление Яковлевых заключало контракты с Екатеринбургскими горными офицерами для преподавания специальных предметов [17]. Привлекались и гражданские лица. Горное начальство на Урале и в столице создавали в горнозаводских школах и училищах лучшие условия для преподавания. По данным С. Г. Мирсаитовой «Если в приходских училищах Министерства народного посвящения работали один или два учителя, то Положение 1852 г. установило иметь в каждой заводской школе одного учителя, двух его помощников и законоучителя» [9, с. 49].

Выпускники этих школ сразу же включались в заводские дела. Одни назначались мастеровыми, другие рабочими, а часть направлялась в качестве конторских служащих. Наиболее подготовленная часть выпускников направлялась в окружные училища, которые являлись второй ступенью общего и профессионального образования. Положение о горнозаводских училищах 1852 г., усовершенствовало программы окружных училищ. В них упор был сделан на много-

профильной профессиональной подготовке учащихся. Так, например, в Златоустовском окружном училище, кроме общеобразовательных предметов, изучались горнотехническое черчение, письмоводство, счетоводство, основы минералогии, модели горных машин и устройств. Дети чиновников, кроме всего, изучали иностранные языки. Многие ученики по выбору изучали здесь слесарное, столярное и кузнечное дело. Те учащиеся, которые готовили стать лекарями или фармацевтами изучали латинский язык и проходили практику в заводском госпитале. В окружных училищах были подобраны и более квалифицированные преподаватели. Чаще всего это были выпускники Казанского университета, Горного кадетского корпуса, Петербургской горной технической школы, а позднее и Уральского горного училища. Окружные училища готовили специалистов для горнозаводской промышленности, администраторов нижнего и среднего звена, часть выпускников направлялись в качестве учителей заводских школ, многие работали аптекарями, чертежниками, а некоторые направлялись цеховыми учениками непосредственно на заводское производство.

Самые подготовленные выпускники окружных училищ направлялись для дальнейшей учебы в Петербургскую горную техническую школу, в пробирное училище и Уральское горное училище [18].

В связи с этим следует отметить выдающуюся роль Петербургских горных учебных заведений в подготовке первых специалистов для уральских заводов и горнозаводских училищ. Уже в самом начале XIX в., в соответствии с Горным Положением 1806 г. всем выпускникам главных горных школ предписывалось продолжать учебу в Петербургском горном кадетском корпусе, который был открыт в 1804 г. на базе Петербургского горного училища. В соответствии с указом 1809 г., правительство России открыло в Горном кадетском корпусе 50 вакансий для детей чиновников и служащих уральских заводов [19, с. 50]. Это высшее горное заведение многие десятилетия поставляло квалифицированные кадры для горнозаводской промышленности Урала. Представители уральских заводов, как правило, проходили производственную практику на своих заводах, делали квалифицированные ответы о результатах практики. Качество прохождения практики влияло на присвоение им званий горных офицеров и получение дальнейших чинов. Именно из выпускников Петербургского горного кадетского корпуса (с 1834 г. горного института) чаще всего назначались начальники ураль-

ских округов, управление заводов, рудников, лабораторий, преподаватели горных училищ и другие служащие. На Урале работали и многие выпускники Петербургского технологического института, где имелась горная школа.

Говоря об истории общего и профессионального образования на Урале, необходимо подчеркнуть, что начавшийся в XIX в. промышленный переворот, потребовал от горнозаводских властей расширить сферу образования среди всех категорий уральского населения. Особенностью горнозаводских профессий было то, что к профессиональному обучению нельзя было подступиться, не имея достаточной общеобразовательной подготовки. Именно по этой причине горнозаводское население имело более высокий уровень образования по сравнению с государственными крестьянами. Накануне отмены крепостного права среди горнозаводских мастеровых грамотные составляли 7–10%. Начальное образование имело практически весь средний и низший производственно-технический персонал [19, с. 50]. Технические и руководящие должности на уральских предприятиях занимали специалисты с высшим и средним специальным образованием. Именно они начали производственное профессиональное обучение на рабочих местах, а позднее под их руководством была создана, как мы отмечали выше, целая система подготовки кадров для казенной промышленности.

Но на Урале силен был и частный сектор промышленности. Так на Южном Урале в середине XIX в. существовал лишь один казенный и 14 частных округов [9, с. 58]. При частных заводах тоже существовали горнозаводские школы, но они испытывали заметное влияние воли владельцев, уровня доходов предприятия, конъюнктуры и т. д. Частные школы часто закрывались и часто открывались. Преподаваемые предметы и их объем были различны. Но, как и в казенных, в них всегда была хорошая профессиональная подготовка. Во многих из них изучались геометрия, тригонометрия, черчение, маркшейдерское дело. Их программы тоже превосходили программы обычных приходских училищ, где на первом месте были чтение, письмо, четыре действия арифметики и Закон Божий. Охват населения частными школами значительно отставал от государственного сектора, но даже в частных поселках учащиеся составляли 0,9% общего числа заводских жителей [9, с. 60], что опять таки превосходило уровень остальных крестьян. Владельцы частного капитала жалели деньги на

подготовку мастеров и подмастерьев. Владельцы заводов предпочитали учить их не в вузах, горном кадетском корпусе или в Уральском горном училище, а непосредственно в цехах, в рудниках, что приводило их заводы к технологическому застою. Отставание заставляло их, в конце концов, направлять своих крепостных специалистов и крепостных мастеровых для обучения кузнечному доменному, листопрокатному, горняцкому и плавильному делу на казенные заводы. Погоня за прибылью заставляла их использовать любые резервы производства, но они все равно отставали от государственного сектора. Погоня за прибылью безмерно обогащала одних и разоряла других. Эти колебания неизбежно отражались, в первую очередь, на системах образования, здравоохранения и культуры.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

Основателем первых уральских общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, а также и уральской педагогической науки в XVIII в. был сподвижник Петра I – В. Н. Татищев.

В отличие от средней полосы России, на Урале сразу, с момента создания В. Н. Татищевым первых арифметических школ и горных училищ, общее и профессиональное образование тесно переплетались. Объективные потребности развития горнозаводского Урала заставляли частные и государственные школы, училища готовить подрастающее поколение к профессиональной горнозаводской деятельности, чего не было в большинстве школ России. Развитие горнодобывающей, металлургической и обрабатывающей промышленности заставляли уральцев сразу осознать, что рабочие профессии здесь требуют хотя бы минимальных знаний в области химии, физики, математики, технологии, черчения, основ производства и методики профессионального обучения. Без этого не могло функционировать ни одно предприятие Урала. Без этой предварительной профессиональной подготовки, уральцы не могли устроиться на работу. До сих пор историки образования не уделяли внимания этому обстоятельству, хотя именно в нем проявилась специфика уральского общего и профессионального образования.

Уже до Октябрьской революции 1917 г. на Урале сложилась достаточно стройная система образования. Об этом говорит открытие арифметических школ, горнозаводских школ, горного училища в Екатеринбурге, Пермского университета, школ ФЗУ.

В современной исторической литературе, как известно, продолжается полемика о том, сложилась или нет в первой половине (до 1861 г.) система специального, а значит и профессионального образования. Так С. Г. Мирсаитова полагает, что «в дореформенное шестидесятилетие на Южном Урале, как и во всей России, не сложилось целостной системы специального образования, возникли лишь ее отдельные элементы» [9, с. 62]. Она полагает, что такая система и профессиональное обучение развивались лишь «в рамках государственных ведомств и носило сословно-замкнутый характер». Наши изыскания показывают, что полностью с этим выводом согласиться нельзя. Во-первых как в России, так и на Урале общеобразовательные школы можно классифицировать по уровню образования как начальные, повышенного типа и средние, а по содержанию образования как общеобразовательные и профессиональные. С ней можно согласиться, что «...границы между начальной и средней, общеобразовательной и профессиональной школой» были относительны, но на Урале границы специального и профессионального образования просматривались хорошо. Они были более заметны, чем в остальной России. Особенно это видно на примере заводских и горнозаводских школ, окружных и горных училищ.

4. На Урале меньше чем в центре России чувствовалась и сословная замкнутость. Особенно это просматривается на примере заводских школ и окружных училищ. Сама специфика горнозаводских профессий заставляла преодолевать какие-либо ограничения, хотя дети специалистов, чиновников и духовенства имели определенные льготы, особенно при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения. Но это уже тогда диктовалось скорее не сословными ограничениями, а материальными возможностями той или иной семьи. Специалисты в то время отличались гораздо лучше, хотя они, как и теперь, имели разное происхождение.

Литература

1. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. – Л.: Наука, 1979.
2. *Валк С. Н.* О «всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева. / В кн.: *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе.* – М.: Наука, 1972.
3. *Сафронова А. М.* Первые школы Екатеринбурга (1724–1734). – Екатеринбург: издательство УрГУ, 2000.
4. ГАСО, ф. 24. оп. 1. д. 26. л. 624.

5. Вторые татищевские чтения. – Екатеринбург: УРО РАН, 1999.
6. *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717–1750 гг. – М.: Наука, 1990.
7. *Сафронова А. М.* Екатеринбург как центр образования на Урале в XVIII в. / В кн.: Екатеринбург в прошлом и настоящем. – Екатеринбург: УрГУ, 1993.
8. *Гузнер И. А.* Книжная культура горнозаводских провинций Урала и Сибири в 20–80-е годы XVIII в. Автореферат канд. дисс. – Свердловск, УрГУ, 1990.
9. *Мирсаитова С. Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. – Екатеринбург: Уралнаука, 2000.
10. *Чернухов Э. А.* Горнозаводское образование на Урале в XIX в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1998.
11. Полный список заводов (в дальнейшем ПСЗ) II, т. 22. отд. 1. № 21203.
12. 4 ГАСО ф. 43. оп. 2 д. 1361, л. 185–193.
13. ГАСО ф. 129 оп. 1. д. 25 л. 94, 149.
14. РГИА ф. 44 оп. 2, л. 417, л. 34; ГАСО ф. 43 оп. 2 д. 1640, л. 167–168; д. 1337, л. 119–122; д. 1406, л. 207; ф. 129. оп. 1, д. 25 л. 95, 97, 149.
15. *Чернухов Э. А.* Проблема учителя в горнозаводских школах Урала первой половины XIX в. В кн: Интеллигент в провинции. – Екатеринбург: УрГУ, 1997.
16. РГАДА ф. 1267, оп. 3. д. 448, л. 43–44; оп. 7 д. 1752, л. 1–8; д. 2004, л. 1–6; ф. 742. оп. 1, д. 510, 624, 816.
17. 5 ГАСО ф. 72 оп. 1, д. 2465, л. 1–4, с. 11–25.
18. ГАСО ф. 43. оп. 42. д. 1343, л. 96; д. 1361 л. 179.
19. *Гаврилов Д. В.* Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения на Урале в 1861–1885 гг. / В кн.: Народное образование на Урале в XVIII в. – начале XX в. – Свердловск, УРО РАН, 1990.